

Е. Н. ПОЛЯКОВА
Пермь

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ПЕРМСКИХ ДЕЛОВЫХ ПАМЯТНИКАХ XVII — НАЧАЛА XVIII В.

Изучение географических терминов, зафиксированных в памятниках прошлых эпох, представляет большой интерес как для топонимистов, так и для специалистов по исторической лексикологии. В связи с этим как те, так и другие выявляют и анализируют географические термины в свободном употреблении и в составе топонимов (особенно микротопонимов), которые в большом количестве содержатся в деловой письменности XVII — начала XVIII в., отражающей начальный этап становления национального русского языка. В архивах различных городов СССР хранится большое количество деловых актов этой эпохи, написанных на территории Перми Великой (Чердынский уезд), Соликамского и Кунгурского уездов Прикамья, а также в вотчинах Строгановых. В настоящее время изучено несколько тысяч челобитных, допросных сказок, межевых, отдельных, духовных, данных и других грамот, а также писцовые и переписные книги Верхнего и Среднего Прикамья, в которых зафиксированы очень детально границы отдельных иногда весьма небольших владений, участков земли. Они дали возможность выявить более 350 слов — географических терминов и прилагательных, образованных от них, бытовавших в живом языке Прикамья в XVII — начале XVIII в.¹

При передаче в документальной письменности топонимов и географических терминов составители актов в большинстве случаев записывали их точно, не заменяя слова живой речи синонимами, обычными для делового языка, что нередко отмечается при передаче других категорий слов. Даже в документах, санкционированных центральными, московскими учреждениями и составленных приезжими, сохраняется лексика живого языка При-

---

¹ О пермских памятниках см.: *Е. Н. Полякова. Материалы к словарю географических терминов пермских памятников XVII века. Пермь, 1972.* Здесь подробно охарактеризована семантика географических терминов.

камья, в частности диалектизмы². Таким образом, исследование топонимии и географической терминологии пермских памятников важно и для характеристики собственно делового языка, и для изучения особенностей живой речи жителей Прикамья.

Исследованию функционирования географических терминов в языке памятников и в живой речи предшествует обычно предварительная лексикографическая работа. Случаи, когда значение термина поясняется в тексте документа, чрезвычайно редки, но все-таки иногда отмечаются в памятниках. Ср.: «И от тово де места до прямых Лысвенских розсох³ версты с полтретьи: одна речка Лысва надвое раздвоилась, направо пошла на восток, а та же речка Лысва влево пошла на запад, то де прямые розсохи» (АПМ, 205 об)⁴. Обычно же значение географического термина было хорошо известно и составителям документов, и тем, со слов кого акты записывались, поэтому термины, как правило, не пояснялись. В настоящее время для установления их семантики исследуются все пермские тексты, в которых зафиксировано анализируемое слово в XVII—начале XVIII в. Кроме того, для сопоставлений привлекаются и данные современного языка, особенно диалектные.

Наблюдения над пермскими деловыми документами XVII—начала XVIII в. позволяют выявить ряд особенностей географической терминологии, зафиксированной в памятниках⁵.

Для документальной письменности обычна детализация в описании местности, угодий, границ отдельных владений. В связи с этим в памятниках выделяются значительные лексико-семантические группы слов, имеющих общий основной отличающий их от слов других лексико-семантических групп дифференциальный признак, но различающихся рядом других дифференциальных признаков. Таковы названия водных потоков (*река, речка, ручей, ключ, родник, источник, исток, прорыв, прорва, падун, рассоха, пачина, течина, ржавец, ржавчина, каменка, талица*), возвышенностей (*гора, увал, угор, камень, веретя, слуда, бугор, толстик*), видов берегов (*берег, паберега, наволок, присада, ластва, яр*), дорог (*путь, волок, дорога, тропа, стежка*) и др.

---

² Ср. диалектизмы *суземье, лыва, согра, отного* и др. в отдельной грамоте Строгановых 1629 г.—В. *Шишонко*. Пермская летопись. 2 период. Пермь, 1882, с. 288—323.

³ Здесь и далее в примерах из текстов памятников подчеркнуто мной.—Е. П.

⁴ См. список сокращений в конце статьи.

⁵ Некоторые наблюдения над географическими терминами в пермских документах изложены в работах: А. А. *Горбунова*. Из наблюдений над сельскохозяйственной лексикой рукописных соликамских грамот XVII века.—В сб.: Русский язык и методика его преподавания. «Уч. зап. Пермск. пед. ин-та», т. 43, Сер. филологич., вып. 1. Пермь, 1967; Е. Н. *Полякова*. К изучению лексики пермских памятников XVII века (на материале географических терминов).—В сб.: Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 1972; Е. Н. *Полякова*, В. Ф. *Новиков*. Диалектная лексика в чердынских и соликамских памятниках XVII века.—В сб.: Живое слово в русской речи Прикамья, вып. 3. Пермь, 1972.

Так, все названия дорог обозначают места, приспособленные и используемые для переезда или перехода. Однако одновременное изучение всех слов этой лексико-семантической группы в пермских памятниках позволило определить не только общее в их семантике и функционировании, но и различия.

Слово *путь*, обозначая место, предназначенное и используемое для переезда, является общим названием, не входит в топонимы, не сочетается с именами собственными: «На продажу вина поставить... воденым путем» (ЧА, 130), «Пути у судов тем не заняты» (Ш, 2, 303), «Сена привозить по вся годы по зимнему пути» (ККМ, т. 4). Иногда одновременно с ним в предложении употребляется слово *дорога*: «А на дорогу оставити места, куды ходити в Новое Усолье лодьям по старому пути» (Ш, 2, 302).

Именно слово *дорога* является самым частотным в этой лексико-семантической группе. Пермские тексты иллюстрируют назначение дорог: «От их дворового заплоту, с сиверу на полдень, до проезжей дороги сем сажень» (КЧП, 136), «От поля нашего с прохожей дороги, с полуденную сторону, з болота межа» (ЧА, 147); их расположение: «Будучи на Бисерти, на окольной дороге, неведомые воровские люди пограбили у нас 3 лошадей» (ЦГАДА, 687, 444); их сооружение: «Ушел он, Андрей, з детми в лес дорогу чистить» (ЦГАДА, 1015, 271). В отличие от *путь* слово *дорога* употреблялось часто в сочетании с именами собственными, указывающими направление: Казанская, Сибирская, Осинская, Устюжская, Бубылская. Нередко слово *дорога* входило в микротопонимы, известные на довольно ограниченной территории: «В межах... с полдни по Городищенской старой дороге» (КЧП, 98), «А те сенные покосы на Сурмоге, на Озерной дороге» (ПОКМ, 123); «Межа тому лугу с верхнего конца от Мельнишной дороги» (Ш, 2, 298). В микротопонимы входит и слово *дорожка*: «Межа з западу по Улошной дорожке» (КЧП, 128).

Одним из распространенных в XVII в. был термин *волок*, называвший в пермских памятниках, по-видимому, тракт, идущую лесом и пересекающую реки проезжую дорогу между двумя далеко расположенными друг от друга крупными населенными пунктами⁶. В большинстве случаев термин *волок* в пермских текстах употреблялся с прилагательными, определявшими направление пути, т. е. входил в топоним: «Выменяли мы... на Верхотурском волоку, в Усольском уезде, на Сурмуге-речке вотчину их — сенные покосы» (ККМ, 72), «Ехала с Осы на Кунгур, и будучи на Осинском волоку, кунгурец... Григорей Афонасьев сын прозванием Базарной взял у неё из саней грабежом мешок холшовый» (ЦГАДА, 687, 998).

⁶ Ср.: «Волоки де нялись далные, от Соли до Верхотурья полтретьяста верст, а до Кайгородка полтретьяста де верст». — Словарь русского языка XI—XVII вв., т. 3. М., 1976, с. 6.

Небольшие пешеходные пути называли словами *тропа*, *стежка*. Они употреблялись в памятниках без характеризующих их имен собственных: «У реки у Шаквы по обе стороны в воду и из воды тропы пробиты... а через ту дыру (в огороде.— Е. П.) тропа есть, и туды де ходили пешие люди» (КА, 62); «Около тех засек по всем дорогам и по малым стежкам... учинили заставы крепкие» (КА, 47). Зафиксировано в пермских памятниках слово *ростани*, называвшее перекресток, место разветвления дорог: «Против деревни Седы на ростанях вышел де он, Михайло, из саней для проведывания той деревни Седы» (ЦГАДА, 687, 262).

Внутри лексико-семантических групп ряд слов вступает в синонимические отношения, что обычно подтверждается их взаимозаменяемостью. Некоторые объекты назывались в памятниках словосочетаниями с разными терминами-синонимами: Черемхов лог и Черемхов враг, Кладбищный лог и Кладбищный враг, Глубокий лог и Глубокий враг, Сухой лог и Сухой враг. Ср.: «Их монастырския оброчныя земли на Сылве... до межи кунгурских крестьян до Кладбищного врагу, да по тому логу до Ирени в гору до Беркутова логу» (Ш, 3, 327).

Синонимические отношения характерны чаще для слов, часть которых в настоящее время территориально ограничена. По-видимому, диалектными они были и в XVII в. Так, в пермских памятниках при назывании низменных, сырых, болотистых угодий, участков в словосочетаниях широко использовалось общерусское слово *мокрый*: «До подле ту же речку мокрова места к Болотове деревне на полверсты» (Ш, 3, 325); «А межи тому гаревому месту со востоку и с полдни болото — мокрое место, з западу темной лес» (ЧКМ, 2558/63); «Подле Бабку-речку наволошных и мокрых мест и зарослых озерок на полверсты» (Ш, 3, 326). Прилагательное *мокрый* нередко фиксируется в топонимах: «Он, Конан, ево, Афонася, видел в Кунгурском уезде на Мокром поле на чюжей лошади» (ЦГАДА, 687, 797). «Да за Камою-рекою пожни... Демидиха... Мокрогузка... Труфачиха» (ККМ, т. 6). Для пермских актов XVII в. характерно четкое разграничение в употреблении слов *сырой* — *мокрый*. *Сырой* — необработанный, невысушенный, влажный: «Пять овчин белых сырых» (ЦГАДА, 687, 814); «Кожа скокая сырая» (ЦГАДА, 1015, 123); «Он, Анисимко, около их соляного промыслу сырой лес вычертил» (РС, 8, 35); «В межах... з горную со востонную сторону к подскотине концом до сырово лесу» (ГКЭ, 17, 11193). Это слово не входило в географические термины. В топонимах, указывающих на влажные, болотистые места, *сырой* отсутствует, в них фиксируется только *мокрый*. Как синоним к сочетанию *мокрое место* в памятниках используются диалектные термины *мокредь* и *смочное место*: «В межах та пожня в Кобылье с верхнюю сторону с Кочеватою пожнею, а с нижново конца межа по мокреде» (КЧП, 7); «К тому же лугу под сенной покос сухих и смочных мест 16 десятин» (Ш, 3, 1037).

По-видимому, в синонимических отношениях с ними находится и сочетание *подморинное место*: «По Бабке-речке вверх пошло пустое место и подморинного и зарослых озерок до Усть-Шаквы речки на полверсты» (Ш, 3, 325); «На том лугу подморинного места на полверсты» (Ш, 3, 326). *Подморинное место* — низменный сырой участок на лугу, в поле, на котором не родится хлеб, не растет или плохо растет трава: «Пашенной земли 9 десятин, да переложной земли 10 десятин, да подморинного места пустого к Кладбищному лугу подле речку Ирень наволошного 6 десятин» (Ш, 3, 325). Слово *подморина*, известное в современных пермских говорах⁷, возможно, употреблялось в Прикамье и в говорах XVII в., но в памятники не попало, в них зафиксировано только словосочетание *подморинное место*.

Следует отметить, что сочетания со словом *место* весьма распространены в пермских деловых документах, как и вообще в русской деловой письменности XVII — начала XVIII в. Значительная часть таких сочетаний, называющих те или иные угоды, объекты, имеет в пермских памятниках синонимы — имена существительные: *болотное место* — *болото*, *гаревое место* — *гарь*, *дубровное место* — *дуброва*, *езовое место* — *ез*, *засольное место* — *засол*, *мокрое место* — *мокредь*, *наволошное место* — *наволок*, *огородное место* — *огород*, *огуменное место* — *огуменник*, *пашенное место* — *пашня*, *плотбищное место* — *плотбище*, *поскотинное место* — *поскотина*, *присадное место* — *присада*, *чертежное место* — *чертеж*, *удогное место* — *удогье*. Реже отмечаются случаи, когда отдельные слова — синонимы к словосочетаниям не зафиксированы (ср. в исследуемых текстах *подкаменное место*, *подморинное место*). Не исключено, однако, что такие синонимы употреблялись в живом языке и что еще будут обнаружены документы, в которых эти слова отражены.

Среди географических терминов Прикамья встречаются характерные для современных севернорусских говоров и не отмеченные в памятниках XVII — начала XVIII в. южнорусской территории; видимо, они были локально ограничены и в тот период: *ласта*, *лыва*, *мокредь*, *пересланец*, *печина*, *ржавец*, *согра*, *суземок*, *уздь*, *холуй*, *шутем* и др. Часть диалектных слов в пермских памятниках XVII — начала XVIII в. зафиксирована только в качестве топонимов: «Вверх едучи, с левую сторону пала малая речка Супеск в Лысву-речку (АПМ, 205 об.); «И впредь их мельнице на той речке на Талице не быть» (АПМ, 28 об.); «Подписал пониже Толстика на Кочашевском острове пожню» (ККМ, т. 4); «Досталась на Унвенских селах деревня При ты ка» (Ш, 2, 295).

В ряде случаев фиксируются семантические диалектизмы: *во-*

---

⁷ Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973, с. 459.

лок (см. ранее), *ржавчина* — ручей, медленно текущий из болота, *падун* — приток реки, оврага, *материк* — основная часть большого леса и др.

В географической терминологии диалектизмы составляют большой процент, чем в других тематических группах лексики (ср., напр., названия строений, одежды и т. д.). Однако существенно преобладают в географической терминологии слова (и значения), употреблявшиеся в XVII в. в памятниках различных территорий, т. е. являвшиеся общерусскими.

Интересные данные представляют географические термины и топонимы пермских документов с точки зрения словообразования. Зафиксирован ряд слов с архаическими уже в XVII в. приставками *су-*, *па-*: *супеск*, *сузем*, *суземок*, *суземье*, *суречище*, *паберега*, *пабережница*. Ср.: «В Малом суземке досталось земли мне, Василью» (ККМ, 31); «Подписали мы, заимщики, вотчину свою вверх по Вогулке от Пизы-речки, покамест мы, заимщики, владеем суречищами, рыбаловить им, Сидору и Ивану, в той речке» (ЦГАДА, 687, 183); «А воопче у нас... Шемякин луг, и Пешкова, и Пабережница, что подле Кондас-речки» (Ш, 2, 298).

Продуктивными в исследуемую эпоху были приставки *за-* и *под-*. Слова с этими приставками, образованные от именительного падежа без всяких изменений окончаний, характерны обычно для топонимии: «За Камою-рекою пожня Подберег» (Ш, 2, 295); «Деревня Подволочек на реке Сылве» (Ш, 3, 89); «Подписал подле Усолку-реку на Подмалиннике пожню свою» (ЛОИИ, 16, 57 об.); «Да по Усольскую сторону Камы, в Боровских лугах, четырнадцатая (пожня.—Е. П.) *Подсосенка*» (ККМ, т. 6); «А в межах та пожня с сиверу по Заельнику, по озерку по большему» (ЧА, 134). Как имена нарицательные с этими приставками использовались географические термины с исходом *-ье*: *заязерье*, *заречье*, *заостровье*, *заполье*, *подгорье*. Ср.: «Сена по заполью и по логам... 180 копен» (Ш, 3, 329); «А по заязерью причисть—с того ж куста прямо, с верхнюю сторону межа» (Ш, 3, 201); «Видял я то, что едет в судне из заречья, из-за Сылвы против посаду Пospel» (ЛОИИ, 122, 463); «А межи той полосы сверху и до подгорья по обе стороны» (ЧКМ, 2561/4); «Половина овина стоит на моей, Иванове, земле, а другая на Мычелкине, с подгорья в межах с Яковом Кириловым» (ГКЭ, 17, 11193). Иногда термины в этой форме попадали в топонимию, но как топонимы они фиксируются в пермских памятниках гораздо реже, чем как имена нарицательные.

Лесные участки в Прикамье называли обычно словами с суффиксами *-ник* (*березник*, *вязник*, *ельник*, *осинник*, *осокорник*) и *-няк* (*березняк*, *сосняк*, *ивняк*). Формы на *-няк* имели диалектные варианты с *-няг*: «По Каме, по правой стороне, луг—сено косят и боровое место—сосняк» (Ш, 2, 309), но «Я, заимщик, не высеку половину соснягу... на Неростовице-речке» (ГАПО,

1); «А в том болотце роща-ивняк» (Ш, 3, 1094), но «В межах та пожня со востоку по ивнягу и по лугу» (КЧП, 9).

Весьма распространенными в пермских памятниках являются слова на *-ище*. Они обычно называли места поселений или каких-либо хозяйственных угодий: *селище*; *городище*, *дворище*, *усадище*, *гумнище*, *езовище*, *займище*, *дровяное кладбище*, *мятище*, *прудище*, *репище*, *сечище*, *стлище*, *торговище*. Иногда термины на *-ище* относились к поселениям или хозяйственным угодьям, существовавшим в прошлом: «Леса дикие, и селища чуцкие, и пустоши, и берега, и островки пустые в вотчину» (Ш, 2, 61); «Деревня в Майкоре, что был починок Туманское городище на реке Инве» (ЦГАДА, 1278, 46); «Исстари езовище бывало на Яйве, меж Новотеребом и меж Санниковыми» (Ш, 2, 299); «Починок над Чусовою-рекою на мятище» (ЦГАДА, 1278, 46).

Однако оттенок значения «существовавшее прежде, в прошлом», столь характерный для значительной части географических терминов на *-ище* в современных уральских говорах и в русском литературном языке⁸, далеко не всегда присутствовал в географических терминах XVII в., и многие из них называли угодья, существовавшие непосредственно в то время: «По Вишере-речке на левой стороне варнишные места и с дровяными кладбищами» (ККМ, т. I); «Холсты лежали на слище, и она, Парасковья, взяла со слища холст» (ЦГАДА, 687, 1017); «Починок на речке Ширеве, селище ново» (Ш, 2, 237); «Да мне ж, Семену, досталось репище под двором» (ЧКМ, 2561/3); «На Бердюкине, повыше Березников, данное место сечище — гарь под пашенную землю» (ККМ, 66).

Для пермских говоров XVII — начала XVIII в. были характерны названия водных потоков на *-ина*: *источина*, *паточина*, *промоина*, *проточина*, *ржавчина*, *течина*. Ср.: «Межа на сивер прямо на родник, а с родника по поточине до врагу» (ГКЭ, 17, 11193); «И мы приговорили есмя меж собою все с совету полюбовно о той промоине, что выше варниц» (ЦГ, 1278, 37); «А в межах те сенные покосы со востоку по верстной большой меже, по ямам и течинам» (Ш, 2, 316). К некоторым терминам на *-ина* в памятниках зафиксированы однокоренные названия водных потоков с другими суффиксами: *проточина* — *проток*, *источина* — *исток*, *ржавчина* — *ржавец*. Ср.: «А в межах та пожня... с Федоровой Пономарева пожней по проточине» (ЧКМ, 2558/62); «А в межах та пожня по протоку» (Ш, 3, 624); «Межа... с полдни по истоку со Ждановыми, а з западу по протоку по ржавчине» (Ш, 3, 624); «От Камы до Еловыя веретей да через веретею вниз по ржавцу» (Ш, 3, 200).

Анализ однокоренных слов с разными суффиксами дает возможность установить не только разницу в их семантике, но и стилистические различия. Так, в ряду слов *исток* — *источек* — *ис-*

⁸ Грамматика русского языка, т. 1. М., 1952, с. 250.

точина — *источинка* — *источник* первые два термина распространены широко, употребляются в пермских памятниках в самых различных контекстах. *Исток* — рукав, соединяющий два водоема: озеро с рекой, два озера и др.: «До истоку, что впал в реку Сылву из озера из Вятского» (Ш, 5, 586); «Озерко Нельдное и с истоком, а исток падает в Подплешное озерко» (Ш, 2, 298); «Вверх по Кондасу до источку, а источек пал на лывы» (Ш, 2, 319). Слова *источина*, *источинка* называли ключ, родник: «В межах та моя половина поля со востоку по Завьяловскому логу по источинке» (КЧП, 98); «К их вотчине... и речки малые, и истоки, и паточкины, и источины» (Ш, 2, 61). Они фиксируются в памятниках гораздо реже, чем термины *ключ* и *родник*. Возможно, составители документов ощущали их сниженность, разговорный характер и заменяли дублетными синонимами. Слово же *источник* не употребляется как географический термин в пермских говорах XVII в. Оно зафиксировано только в описании икон, в отрывках, где ощущается влияние церковно-книжного стиля: «Образ... богоматере живоносного источника с предстоящими святыми, оклад, и венцы, и гривны серебряные» (ККМ, т. 6). Сопоставление таких однокоренных слов с разными суффиксами подтверждает, что названия водных источников на *-ина* были характерны для разговорной речи.

Изучение географических терминов в пермских памятниках XVII — начала XVIII в. не только дает возможность установить особенности этой части лексики и особенности образования и функционирования топонимии в прошлом, но и создает основу для изучения истории современной топонимии и нарицательной лексики Прикамья.

Список сокращений

А П М, 205 об.	— Акты Пысковского монастыря. Архив ЛОИИ, колл. 115, № 388, л. 205 оборотная сторона.
Г А П О, 9	— Государственный архив Пермской области. Свитки XVII в., св. 9.
Г К Э, 17, 11193	— Грамоты Коллегии Экономии. Центральный государственный архив древних актов, ф. 281, оп. 17, ед. хр. 11193.
К А, 62	— Кунгурские акты XVII в. ка (1668—1699 гг.). СПб., 1888, с. 62.
К К М, 72	— Кунгурский краеведческий музей. Свитки XVII в., св. 72.
К К М, т. 6	— Кунгурский краеведческий музей. Тетради XVIII в., тетр. 6.
К Ч П, 136	— Копии частных писем XVI—XVIII вв.

Пермская областная библиотека им. А. М. Горького. Фонд редкой книги, № 61593, л. 136.

- ЛО ИИ, 122, 463 — Ленинградское отделение Института истории АН СССР. Акты соликамские, ф. 122, ед. хр. 463.
- ПОКМ, 123 — Пермский областной краеведческий музей. Свитки XVII—XVIII вв., ф. 11101, св. 123.
- РС, 8, 35 — Расписные списки. ЦГАДА, ф. 137, оп. Чердынъ, ед. хр. 8, л. 35.
- ЦГАДА, 687, 444 — Центральный государственный архив древних актов, Кунгурская земская судная изба, ф. 687, оп. 1, ед. хр. 444.
- ЦГАДА, 1015, 271 — Центральный государственный архив древних актов. Кунгурские судебно-административные учреждения XVII—XVIII вв. ф. 1015, оп. 1, ед. хр. 271.
- ЦГАДА, 1278, 46 — Центральный государственный архив древних актов. Документ Строгановых, ф. 1015, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 46.
- ЧА, 130 — Чердынские юридические памятники с 1606 по 1718 год. Временник Московского общества истории и древностей российских, кн. 25. М., 1857, с. 130.
- ЧКМ, 2558/63 — Чердынский краеведческий музей. Коллекция свитков XVII—XVIII вв., св. 2558/63.
- Ш, 2, 303 — В. Шишонко. Пермская летопись. Пермь, 1881—1889, период 2, с. 303.